

БЕЛОСНЕЖКА  
И  
РОЗА





Эмили Уинфилд  
Мартин



КАРЬЕРА ПРЕСС

Москва



# ОГЛАВЛЕНИЕ

Глава 1:	Белоснежка и Роза	1
Глава 2:	Сердце леса	19
Глава 3:	Волки!	32
Глава 4:	Необычная библиотека	41
Глава 5:	Мальчик из грибных пещер	53
Глава 6:	Припасы на зиму	67
Глава 7:	Карлик	75
Глава 8:	Медведь	86
Глава 9:	День рождения	102
Глава 10:	Речное чудище	114
Глава 11:	Зубы и тому подобное	124
Глава 12:	Пир добытчика	132
Глава 13:	Что нашел Иво	146
Глава 14:	Чудовище и Налетчики	156
Глава 15:	Пропажа	168
Глава 16:	Безумие весны	177
Глава 17:	Навстречу приключениям	188
Глава 18:	Ибо я несу беду...	205
Глава 19:	Медведь возвращается	214
Скетчбук		220
Об авторе		227

## ГЛАВА 1

### Белоснежка и Роза



**Ж**или-были две сестры.  
У Розы волосы были что черный шелк, щеки – как два розовых лепестка, а голос нежный и такой тихий, что порой и не слышать. А у Белоснежки волосы были белые, как лебединый пух, глаза – цвета зимнего неба, а смех – громкий и необузданный.

Домик их стоял в лесу, но было время, когда сестры жили совсем в другом месте.

– Расскажи мне сказку, – попросила Белоснежка. Было темно, и она все ворочалась в постели, не в силах уснуть.

– Не шуми, маму разбудишь, – тихо сказала Роза. – Спи лучше.



Белоснежка села, и кровать под ней скрипнула.

– Ну Розочка, – зашептала она во тьму, – ну пожалуйста!

Комнатка, в которой они спали, находилась на балкончике, который выступал внутри дома – под ними был очаг и кухня, а вверху лишь свод крыши. На одной половине балкончика располагались кровати сестер. На второй половине спала их мать. Выцветшая ширма делила эту небольшую комнату на две и вовсе крохотных, и Роза прикинула глазом к щели между полотнищами. В проступающем из окна свете виден был материнский бок, который мерно вздымался и опускался при дыхании.

Роза вздохнула.

– Ну хорошо. Но тогда я переберусь к тебе.

Послышалось чирканье спички – это Роза зажгла желтый восковой огарок, стоявший между кроватями, – а за чирканьем – тихие-тихие шаги на цыпочках. Роза забралась к сестре под одеяло.

– У тебя ноги такие холодные, – прошептала Белоснежка.

Роза подтянула колени к груди.

– Какую тебе сказку? – спросила она. От огонька свечи в темных ее волосах скакали красные и золотые отблески. – Про волшебную лампу?

– Нет, – сказала Белоснежка и повыше натянула

одеяло, чтобы закутать плечи. На лице ее играла улыбка, светлые волосы беспорядочно рассыпались по подушке.

– Про русалку и обезьянку? – спросила Роза.

– Нет, – нетерпеливо прошептала Белоснежка. – Другую.

– Тогда про волшебную...

– Нет, не про волшебную. – И Белоснежка тихонько потянула рукав ночной рубашки сестры. – Расскажи про нас.

Роза снова вздохнула и начала рассказ.

– Жили-были, – начала Роза голосом заправской сказочницы, – жили-были две девочки, и у одной волосы были черные, а у другой – белые. Девочки родились в семье благородного дворянина, который был высок и широкоплеч, а кроме того – добр и милосерден. А мать их происходила из простой семьи, но обладала удивительной красотой и изяществом, словно...

– Словно сиамская кошка, – подсказала Белоснежка.

– Да, словно сиамская кошка, – негромко продолжала Роза. – А еще она рисовала картины и ваяла статуи. В каждом куске мрамора она видела фигуру и больше всего любила пробуждать эти фигуры, поэтому сад ее был полон прекрасных статуй. А отец дево-





чек больше всего любил придумывать здания, каких никогда еще не было, а потом строил их своими руками. Еще он любил читать о том, что придумали и построили другие, поэтому в доме у них была библиотека, и полки в ней шли до самого потолка.

Конечно, родители девочек любили друг друга, любили больше, чем книги и скульптуры. Но больше всего на свете они любили своих дочерей.

Любовь невидима, и потому мать с отцом очень старались придать ей зримый облик. Когда девочки были еще совсем маленькими, родители разбили для них прекрасный сад, настоящее чудо света, посмотреть на которое приходили за много миль. Он тянулся во всю длину дома, и другого такого сада на земле никогда не было и не будет.

На одной половине сада росли только белые цветы, много-много, и все разные – нежные белые колокольчики ландыша, бледно-золотые свечи наперстянки с пятнистыми горлышками, звездчатые вьюнки-луноцветы и глазастые анемоны, все-все, от крошечных белых маргариток до георгин цветом слоновой кости и размером с суповую тарелку. И...

– И этот сад назывался садом Белоснежки, – перебила ее Белоснежка.

– И этот сад назывался садом Белоснежки, – с грустной улыбкой подтвердила Роза. – На второй же по-

ловине сада цвели лишь красные цветы: киноварные маки и алые анютины глазки, бордовый львиный зев и огненные физалисы. И розы, целая тысяча роз, и у каждой – тысяча красных лепестков...

Голос Розы делался все тише и наконец совсем умолк. Она знала, что Белоснежка любит эту историю, ведь не зря же она просила рассказать ее снова и снова. Но всякий раз, когда Роза заводила рассказ, у самой у нее на душе становилось пусто, и пустота эта росла с каждым словом.

Роза знала, что сестра ее принадлежит к тому типу людей, которые стремятся вновь и вновь слушать или пробовать то, что любят, чтобы так напоминать себе о его существовании. Роза же была совсем иным человеком: то, что было ей дорого, она норовила ухватить крепко-крепко и держать, не отпуская, чтобы не истаяло – или, хуже того, не утекло, как утекает песок сквозь неплотно сжатые пальцы.

– Как ты много знаешь названий для красного, – прошептала Белоснежка с закрытыми глазами. – Расскажи про лебедей.

Роза посмотрела на сестру – ее бледное личико круглой луной светилось на темной подушке.

Роза вздохнула и подтянула повыше лоскутное одеяло. И старательно повела сказку вновь, так тихо, как только могла, едва-едва слышно.

– А посередине, там, где сад Белоснежки встречался с садом Розы, был пруд. Вокруг пруда росли ивы, а по воде кругами плавали два лебедя – один белый с клювом темного золота, а второй черный как смоль с алым клювом.

В этом доме девочки родились и выросли. У них были шкафы с прелестными платьями и фарфоровые куклы, у которых было столько хороших нарядов, что даже для этих нарядов нужны были отдельные шкафы. У девочек был толстый-претолстый кот по имени Граф Грей, и уроки, и домашние спектакли, и чаепития. А когда они играли в прятки, Белоснежка всегда пряталась в саду скульптур, а Роза – в библиотеке, так что, по правде говоря, играть было не очень-то интересно...

Роза бросила взгляд на сестру – не спит ли? Веки Белоснежки затрепетали, но она, казалось, не заметила, что рассказ прервался.

Роза заговорила снова, еще тише, не громче дыхания.

– А по вечерам девочки ложились в большие кровати с коваными спинками в виде цветов и птиц, и папа садился рядом и читал им, пока они не заснут, или рассказывал сказки про волшебные лампы, про драконов, про тридевятое царство...

С этими словами Роза осторожно выбралась из-под

теплого одеяла и подоткнула его, чтобы у сестры не замерзли плечи.

– А потом мама выключала свет, а папа говорил: «Спи, моя самая любимая Белоснежка. Спи, моя самая любимая Роза».

Она легла в свою кровать и задула свечу.

– Тут и сказке конец.

**X X X**

Хотя на самом деле это был вовсе никакой не конец.

У сказки было продолжение, но не из тех, которые хочется передавать из уст в уста, не из тех, о которых так сладко мечтать. В этом продолжении были бесконечные слезы, и кони – обычные, не говорящие, – и отцы, которые не возвращаются домой, и вопросы, на которые нет ответов.

В самом простом изложении это прозвучало бы так: однажды отец уехал в лес и не вернулся. Конь его, единственный свидетель случившегося, прискакал один, без всадника. Мать открыла переметную суму, что висела у коня на боку, и высыпала все ее содержимое на землю, и тогда все увидели, что отцовские вещи не тронуты. Его гроссбухи, его трубка с табаком, даже сверток банкнот – все было на месте. Пропали лишь три предмета: часы, одеяло и нож.

Впрочем, это ничего не меняло. Отец мог взять эти три вещи с собой, где бы он сейчас ни был. Ведь должен же он где-то быть, надеялись девочки. Вдруг он вернется, вдруг распахнет дверь и ворвется в дом с новой невероятной историей на устах? Вдруг?..

Но на другой день после возвращения коня девочки подслушали перешептывания кухарок. Затаив дыхание, Белоснежка и Роза прятались за углом, откуда кухарки сплетничали на кухне: «Мало ли опасностей в лесу... древние проклятия... Гроза Лесов... Черные Налетчики... мало ли... Малютки так и не узнают, бедняжки...»

Шепотки эти звучали тут и там, и в воздухе повисало все то же: в лесу тысяча опасностей, эти-то опасности и убили хозяина.

И все-таки они надеялись, надеялись еще долго. Роза и Белоснежка бродили по гулкому дому, где прожили всю жизнь, подспудно ожидая встретить отца или услышать его голос. Невозможно поверить, что человек был – и вдруг нету и больше никогда не будет. Сестры смотрели и ждали. Но шли дни, и чем больше их было, тем страшней и неодолимей была правда, пропитавшая собой воздух дома.

И тогда мама заперлась у себя в комнате. И тогда Роза стала убегать в библиотеку и плакала там, пока не засыпала в кресле, где обычно сидел отец, читая ей

книжки. Засыпала она в надежде, что наутро правда станет иной. Но всякий раз, когда она просыпалась, правда оставалась прежней.

Только Белоснежка не плакала – даже тогда. Она не плакала потому, что не признавала эту правду, в которую поверили все разом. Она ни за что не хотела верить в то, что отца больше нет. Сколько бы ни прошло времени, она упрямо верила, что отец вернется. А Роза не могла, не находила в себе сил сказать Белоснежке, что иногда люди и вправду уходят, а это значит, что ушедший никогда больше не прочтет тебе сказку, не пожелает доброй ночи и не прижмет тебя к груди.

Слуги выкрасили платья девочек в черный цвет, и сестры стали ходить в черном. Вскоре после того, как их платья почернели, в дом пришел человек с худым лицом. В присутствии сестер он объявил их матери, что она больше не имеет права жить в доме с садом Белоснежки и садом Розы. Он сказал, что сады, и дом, и платья, и библиотека, и слуги, и все остальное принадлежит совету благородных семейств.

И тогда Белоснежка изо всех сил лягнула человека с худым лицом, но от этого ничего не изменилось.

Они уехали из дома и поселились в домике в лесу – в том самом лесу, который украл у них отца и мужа; в лесу, о котором говорили вполголоса, расска-

зывая о вещах удивительных и ужасных. Они ушли в лес, потому что больше им некуда было идти.

Так окончилась одна сказка, и так началась другая.

Белоснежка и Роза жили в самом сердце сказки, но не замечали этого. Как слепы мы бываем...



Белоснежка, Роза и их мама поселились здесь в ту пору, когда весна уже готовилась стать летом. С собой они привезли все, что может пригодиться, когда начинаешь новую жизнь в лесу, включая Графа Грея, который все рвался из рук Белоснежки. К домику вела тропа, начинавшаяся высоко на холме у опушки леса. Заблудиться было невозможно: других троп в лесу не было, одна только эта. Не дорога, просто тропа, выбитая ногами, колесами, конскими копытами.

Одинокое стоящий в лесу домик был сложен из камня и дерева. Некогда домик принадлежал маминому двоюродному дедушке – тот построил домик давным-давно, еще в пору юности. Мама бывала в этом домике, когда была еще малюткой и звалась Эди, а не Эдит, но почти ничего уже не помнила.

Белоснежка и Роза узнали о существовании домика, лишь поселившись в нем; он пустовал так долго, что каменные стены успели обрасти шерсткой мха, а внутри все было покрыто пылью и паутиной. Когда





они вошли в дом и встали на пороге, мама положила дочерям руки на плечи и легонько сжала, что означало: «Одной мне не справиться».

И девочки впервые в жизни принялись за уборку. Они вычистили крытый жестью домишко, натаскали воды из колодца, выскребли домик от потолка до пола, выбросили из камина старые птичьи гнезда. Они помогли маме набить матрасы для трех кроватей и перетаскали в кладовую припасы из тележки, которые собрала для них кухарка: мешки с мукой и крупами, кофе и сахаром.

Все, что осталось от их прежней жизни, поместилось в три сундука. Когда все нужные и обычные вещи – одежда, горшки и одеяла – были разложены по местам, а на стену мама повесила отцовский портрет, Белоснежка и Роза нашли свой заветный сундучок. Он был припрятан на дне последнего сундука. В этом сундучке они хранили свои сокровища. Белоснежка достала из него свою скрипку и бережно положила ее на полку у кровати, не зная, сможет ли она когда-нибудь опять на ней играть. В числе прочих сокровищ были подарки, которые привозил девочкам из дальних путешествий отец: лоскутное одеяло из Бенгалии (оно насчитывало десять тысяч стежков), книга японских сказок, маленький турецкий коврик, медный слоник из Африки.

Когда в домике стало чисто, а вещи были распакованы, мама и девочки начали потихонечку привыкать жить на новом месте. Но новым было не только место. Мама совсем перестала улыбаться. Она больше не рисовала, не резала по камню, не делала ничего из того, что всегда делала раньше. Она бродила по дому как во сне, делала все машинально, говорила так, словно была где-то далеко. Она еще больше похудела, и печаль окутывала ее плотным коконом. Домик и так был маленький, а от печали в нем стало еще теснее.

Сестры не знали, чем заняться, и потому часто гуляли. Они просыпались, завтракали, а затем Белоснежка шла по тропе сквозь лес, выходила на опушку и смотрела вниз, в долину, туда, где стоял их старый дом.

Белоснежка не скрывала своей неприязни к новому жилищу. Ей не нравилась фазанья похлебка и грубый хлеб, который подавала к похлебке мать. Ей не нравились жесткие постели и сквозняки, всю ночь свистевшие сквозь щели в стенах. Роза говорила: «Дальше будет лучше», но и это Белоснежке тоже не нравилось. Лучше? С чего бы? Домик их маленький и ветхий, а ветхие вещи лучше не становятся.

А больше всего Белоснежке не нравились люди, которые поселились в их старом доме. Эти люди украли

ее жизнь и ее сады. Поэтому всю весну она провела, наблюдая за старым домом в неизменной компании Графа Грея. Будто два голодных кота, готовых броситься на добычу, они следили за захватчиками, которые то выходили из дома, то исчезали в нем снова.

Пока Белоснежка в бессильной ярости следила за старым домом, Роза устраивалась под деревом с книжкой или, закинув на плечо сумку, гуляла туда-сюда по тропе.

Трудно сохранить свое сердце там, где некуда укрыться от гнева сестры и горя матери, а вот от прогулок ей становилось легче. Она примечала папоротники и цветы под ногами, напрягала зрение, стараясь рассмотреть, что скрывает лес за тропой, и в эти мгновения любопытство в ней вытесняло все остальное. Тропа, ведущая в деревню, была хорошо утоптана и ясно видна. После всего услышанного, после всего случившегося Роза никогда с нее не сходила.

Иногда она приходила на склон холма, где сидела Белоснежка, садилась рядом и читала вслух. Или плела венки из диких цветов, чтобы унять жгучий гнев сестры.

Там, на холме, где подслушать их мог разве что Граф Грей, сестры шептались о разном. Отчего вернувшийся конь принес с собой все, кроме трех вещей? Что, если эти вещи – подсказка, что, если они до сих пор

лежат где-то в лесу? Как может лес забрать человека – и зачем?

Гадания эти жгли их как раскаленные угли, но каждая из девочек верила в свое, и потому вопросы их звучали по-разному. Роза хотела знать, почему лес забрал отца, а Белоснежка – как его вернуть. В своих догадках они все ближе подходили к вещам тайным и неизвестным, имевшим самое прямое касательство к месту, которое уже однажды изменило их судьбу и вскоре изменит и их самих.



## ЧТО ВИДЕЛИ ДЕРЕВЬЯ

*– Я вижу, – сказала юное голосом,  
похожим на шорох листвы.*

*– Вижу, – повторило старое.*

*Не вернется домой он в назначенный день.  
Будет чадо как свет, и другое – как тень.  
Устоит лишь одна, в скалах зверь заревет,  
И проклятие золота с кровью падет.*

*– Я знаю это пророчество, – вздохнуло  
старое дерево.*

*– Это его дочери – дочери того, кто не  
вернулся. Того, чья кровь была на листьях, –  
с уверенностью сказала юное. – Да, это они.*

*– Возможно, – отозвалось старое,  
понижив голос, пусть даже здесь никто  
не мог их слышать.*

*– Это им суждено положить конец  
всему, – сказала юное.*

*– Но одна из них падет.*

## ГЛАВА 2

### Сердце леса



Однажды летним утром, когда в воздухе уже витала жара, Роза решила. Нельзя, чтобы Белоснежка так и глазела целыми днями на старый дом. Пусть Белоснежка была двумя годами младше, Роза с неприятным удивлением поняла, что почти боится ее. Думая о себе с сестрой, Роза видела себя аккуратным бантиком, а Белоснежку – запутанным узлом. Роза поправила косы, короной уложенные на голове, и пошла по тропе навстречу яркому солнцу, теплые лучи которого пронизывали край леса.

Она нашла Белоснежку в травяном море на склоне холма. У кого-то тревога селится в стиснутых зубах и закаменевших плечах. Тревога Розы жила у нее в пальцах, и Роза сплетала их и снова расплетала. Подойдя ближе, она откашлялась и сказала: